

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

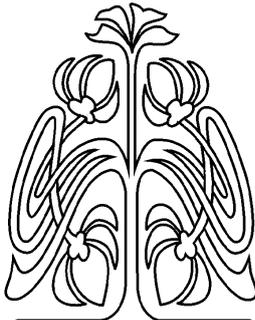
УДК 930.1(09) (37+38)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ РИМЛЯН КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО АНТИКОВЕДЕНИЯ (новые работы о *pompa funebris* и *imagines maiorum*)

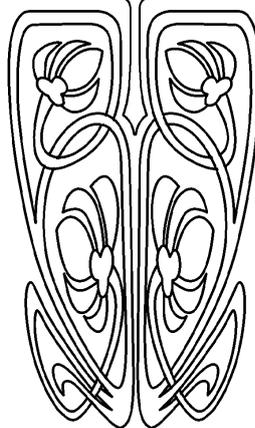
В.В. Дементьева

Ярославский государственный университет,
кафедра всеобщей истории

E-mail: vv_dementieva@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Изучение проблемы *memoria* и *res publica* в современной историографии включает в себя исследование погребальной процессии. В проанализированных в данной статье трудах историки по-разному видят приоритетность функций исторической памяти применительно к *pompa funebris*: К.-Й. Хёлькекампа выделяет коммуникативную, Э. Флаиг – обосновывающую, а У. Вальтер – и ту, и другую. Воспитательной функции *pompa funebris* больше других авторов новых работ уделил внимание Э. Флаиг.

Аргументация исследователями вывода о точности передачи реалий прошлого в ходе *pompa funebris* способствует реабилитации исторической памяти римлян в целом, в том числе косвенно, как представляется автору статьи, и римского историописания. Обоснование антиковедами отсутствия фальсификаций в *laudationes* помогает смягчить негативное восприятие достоверности информации в *elogia*, имевших первоисточником, в числе прочего, и надгробные речи.

Ключевые слова: память, функции, похороны, обряд, *laudationes*.

Historical Memory of Romans as an Object of Modern Studies of Antiquity (new papers on *pompa funebris* and *imagines maiorum*)

V.V. Dementyeva

Studying the problem of *memoria* and *res publica* in a modern historiography includes the investigation of a funeral procession. In the works analysed in this article historians differently consider the priority of functions of historical memory in respect to *pompa funebris*: K.-I. Hölkeskamp singles out the communicative one, E. Flaig – the proving one, and U. Walter – both of them. E. Flaig's pays more attention comparing with the other authors to the educational function as well.

The conclusion that the reconstruction of realities of the past was accurate during *pompa funebris* is well-reasoned by the researchers thus contributing to the rehabilitation of historical memory of Romans as a whole, including indirectly, by opinion of the author of this article, the rehabilitation of Roman works on history. The substantiation by researchers of antiquity of the absence of falsifications in *laudationes* helps to soften the negative perception of reliability of the information in *elogia*, having the graveside orations among other primary sources.

Key words: memory, functions, funeral, rite, *laudationes*.

Современная историография (а к таковой будем сейчас относить работы, опубликованные уже в XXI в.), изучая историческую память римлян, концентрирует внимание на следующих видах *memoria*:

- 1) гентильно-генеалогическая мемориальная практика (похоронные процессии, памятники и надгробия – изучаются *pompa funebris*, *imagines*, *atrium* и т.д.);
- 2) обряды и праздники;
- 3) историческая топография, памятные места и ландшафты, статуи;
- 4) римское историописание, *exempla*.

Исследование названных форм исторической памяти римлян имеет в современном антиковедении свою специфику, которая не всегда, на мой взгляд, должна быть оценена позитивно. Так, например, я не могу поддержать «новые» подходы к античной нарративной традиции, а

именно точку зрения «посмодернистских гиперкритиков» римского историописания, которые видят в нем только вторичный нарратив, непригодный для реконструкции фактов истории ранней Республики.

Но сейчас мне бы хотелось вести речь о тех исследованиях, которые действительно углубляют наше представление об исторической памяти римлян. Рассмотрим первое из перечисленных направлений – изучение гентильно-генеалогической мемориальной практики.

В антиковедческих работах первого пятилетия XXI в. наиболее значительное внимание этому сюжету уделили Эгон Флаиг, Карл-Йоахим Хёлькескамп и Уве Вальтер, посвятившие ему не только свои статьи, но и весьма представительные главы монографий¹.

Описание составлявших *pompa funebris* элементов во всех работах является, естественно, близким. Вкратце их напомним: по такому особому случаю несли публично лицедеи маски предков, которые обычно хранились в атриуме дома. При этом носители масок были облачены в должностную одежду высших магистратов, если предки достигли высших магистратур, или в одежду триумфаторов, перед ними несли *fascēs* и другие инсигнии. Похоронная процессия двигалась на форум к ораторской трибуне, к *rostra*, т.е. к политическому центру города (и затем империи), где представляемые *maiores* занимали курульные кресла и вместе с собравшимся *populus Romanus* внимательно слушали *laudatio* (надгробную речь) о покойном, произносившуюся сыном или другим родственником-мужчиной.

Эгон Флаиг (глава «*Pompa funebris* – предьявлять символический капитал») рассматривает похоронные процессии как «парад предков» в рамках семиотического анализа². (Э. Флаиг посвятил свою монографию памяти Пьера Бурдьё, поднявшего вопросы «символической власти», «символического капитала» и т.д.; немецкий исследователь развивает подходы, выработанные семиологией³.) Он подробно интерпретирует рассказ Полибия (VI.53.1–54.3), подчеркивая, что римская практика была единственной в своем роде в античном мире; это был дорогостоящий ритуал, в котором сенаторские семьи показом своих предков демонстрировали перед гражданами свой престиж.

Э. Флаиг полемизирует с Карлом Шнайдером, который полагал, что преимущественной функцией *imagines* было исполнение культа предков: портреты предков должны были провожать членов рода в последний путь (галерея портретов в атриуме имела, следовательно, вторичную, производную от этой, функцию)⁴. Э. Флаиг, возражая К. Шнайдеру, отмечает, что все семьи имели свой культ предков, но, тем не менее, все семьи должны были участвовать в *pompa funebris* знатных граждан, и только на похоронах аристократии использовали *imagines*. Утверждение К. Шнайдера

имело бы смысл, считает Э. Флаиг, если бы в Риме существовало два различных вида культа предков, – один для элиты, другой для народа, однако все этому противоречит.

Э. Флаиг утверждает, что парад предков служил тому, чтобы подтвердить (доказать) славу семьи, поэтому и необходим анализ ритуала как семиотических преимуществ, который немецкий исследователь и осуществляет.

Римляне переняли *pompa funebris*, по всей видимости, от этрусков. Вероятно, как подчеркивает Э. Флаиг, окончательную форму ритуал приобрел, когда в IV в. до н.э. знать получила четкие социальные очертания.

Семиотический анализ, проделанный Э. Флаигом, привел его к таким результатам:

1. Процессия предков на похоронах нобилия не представляла собой биологический ряд. В числе биологических предков были и не принадлежавшие к курульным магистратам, соответственно, не имевшие *imagines*. Изучение захоронения Сципионов, отмечает Э. Флаиг, показывает, что в нем нашли покой почти все члены семьи III и II веков. Но только половина из них имела отличия носителей должностей. Сципионы принадлежали к успешной ветви рода Корнелиев. Но даже и в этой семье каждый второй мужчина не имел масок предков, а для большинства других аристократических семей дело обстояло в этом отношении значительно хуже.

2. Ряд предков визуализировал политическую иерархию. Ранг и статус предков показывался точно, через должностную одежду и количество сопровождавших его ликторов. Выше консулов стояли цензоры, а триумфаторы возвышались над всеми другими. Между предками на этом параде нередко зияли дыры (если не всю цепочку иерархии они могли олицетворить). Иерархическая структура действовала не только в земной жизни, она была действительна и после смерти и организовывала достойных воспоминания предков.

3. Со смертью наступал дисконтинуитет (нарушение преемственности) в семье. Против этого был направлен ритуал семейного континуитета. Каждая смерть создавала брешь в персональном кругу, который должен был заново структурироваться, чтобы преодолеть возникший кризис. Каждая культура решает этот вопрос по-своему. В современной Европе похоронная процессия состоит из живущих, которые отдают умершему последние почести и прощаются с ним. Траурный ритуал инсценирует расставание. В Риме процессия на первом плане имела достойных воспоминания предков, которые приходили к умершему, чтобы дать ему сопровождение на пути к ним. Умершего сенатора сопровождавшие предки провожали к его новому месту в ряду предков его рода. Провозглашалась сила порядка, предки подтверждали действительность этого порядка, они демонстрировали интеграционную способность этого порядка. Однако они принимали умершего

не в середине, они предоставляли ему место позади всех, его носилки отделяли последующую процессию живущих от впереди идущих предков.

4. Как процессия показывала успешных предков, так и удаляла она тех предков, которых она не демонстрировала, так как они не были успешны. Юные аристократы знали, что только часть предков проходит во время похорон, а часть погружена в забвение. Это отделение незабвенных предков от забытых давало предупреждение молодежи. Оно убедительно внушало всем наблюдавшим процессию римлянам, что только достижения в деле служения *res publica* приносят посмертную славу и дают право приобрести политически представительный индивидуальный портрет. Нередко римские знатные семьи устраивали похороны женщин – членов своего рода как *pompa funebris* на форуме, хотя женщины не имели, естественно, необходимых для этого должностей. Семья использовала такой печальный случай в качестве повода для демонстрации своего политического престижа. Между тем отсутствует всякое указание на то, что неуспешные аристократы – такие, которые не достигли куркульных должностей, – почитались парадом предков. Они могли быть похоронены только в семейном кругу. Этот контраст объясняет, как непреклонно их элиминировали из политической памяти.

5. Участвовавшие в процессии предки были примером для членов семьи, для потомков. В случае, если нельзя было достижений предков превзойти или сравняться с ними, нужно было как минимум добиться претуры. Этим минимумом могли довольствоваться сыновья успешных нобилей. В успешных семьях от поколения к поколению число добившихся высших должностей возрастало, количество цензоров и триумфаторов увеличивалось, и юный Валерий или Клавдий был одержим тем, чтобы продолжить ряд корифеев своей семьи.

6. Престиж знатного рода был особенно отчетливо виден во время *pompa funebris*. Одно только перечисление: два триумфатора, пять цензоров, семь человек, дважды занимавших консульскую должность, двенадцать просто консулов, двадцать преторов – показывало заслуги на протяжении длительного времени и престиж рода. Но на одном подсчете стратифицировать элиту было трудно: один триумфатор мог «уравновешивать» многих консулов. Вероятно, служило мерилом сначала число триумфаторов, затем цензоров. Триумфаторы могли превзойти по престижу других, но ритуал уравнивал, сглаживал это неравенство, делал соизмеримыми различия в достижениях.

Некоторые семьи не часто имели повод организовать похоронные процессии, отмечает Э. Флаиг, но вместе с тем такие процессии с портретами предков в Риме проходили постоянно, поскольку в совокупности знатные роды в течение года имели достаточное количество смертей. Каждый ряд

предков, которые дефилировали по такому поводу, конкурировал с совокупностью отсутствовавших рядов. Поэтому постоянно актуализировала каждая процессия значимость других рядов предков.

«Жертвы конкуренции: два списка умерших», – так формулирует немецкий исследователь название параграфа, в котором он отмечает, что при изучении погребального ритуала в рамках культуры римской элиты обнаруживается различие между культом умерших и ритуальной демонстрацией собственного символического капитала. Дистанция между этими обеими культурными сферами определяется Э. Флаигом следующими моментами.

1. Отмеченным выше обстоятельством, что ряд предков в похоронной процессии не охватывал полностью список биологических предков, он охватывал меньшинство этих биологических предков, в соответствии с критериями, которые действовали для всех сенаторских семей. Поэтому не имели предки без масок своего места в атриуме. Они исключались из политической памяти, они не существовали публично. Однако они сохраняли свое место в фамильном культе предков, если они оставили после себя детей. Там они оставались как минимум три поколения *dei parentes* и затем исключались из индивидуально упоминаемых предков и переходили в разряд называемых в совокупности (без имен) предшественников рода. Тем не менее многие семьи строго придерживались способа поминаний и сохраняли цепь *parentes* поименно до шестого предка. Когда римляне говорили о своих предках и называли *maiores*, нужно выяснять контекст: *maiores* делились на два различных списка, в политическом пространстве не считались вообще все предки *maiores*; *maiores* были исключительно те предки, которые были достойны политической памяти.

2. Следовательно, семантически противопоставлялись могила и атриум, поскольку значительная часть предков находили свое место в некрополе, но оказывались не принятыми в атриум. Два различных семейных типа поминования исполнялись противоположно. Один принадлежал к культу предков и был делом внутрисемейным, другой относился к сфере конкуренции и престижа, он был делом и знатных семей, и *res publica*. Правильнее считать, как утверждает Э. Флаиг, что *imago* принадлежала не к миру мертвых, но живых, хотя изображала умершего: поэтому *imago* хранилась в доме и не играла роли при *parentalia* (поминальное празднество в честь покойных родственников) и *feralia* (ежегодный праздник в честь усопших), т.е. при главных праздниках культа умерших.

По сути дела, исследование Э. Флаига в результате семиотического анализа на новом уровне осуществило возврат к тезису Курта Латте о том, что *pompa funebris* служила не культу умерших, а должна была в этом мире явить на свет блеск

римской фамилии⁵. Возврат на новом уровне и с новыми интересными наблюдениями.

3. Если неуспешные предки не имели ларца в атриуме, они не включались в родословную, которая устанавливалась на внутренней стороне атриума, – полагает Э. Флаиг. Поэтому не следует считать родословную в атриуме параллельной на доске *parentes*, по которой почитались три поколения предков, имевшие на то культовое право. *Parentes* были биологическими предками, – неважно были ли они политически успешными или нет, неважно были ли они мужчинами или женщинами. Они оставались таковыми, пока не заполняла место «снизу» новая генерация, а «сверху» предки «третьей степени» не отпадали, идентифицируясь с *maiores*. Исходя из таких наблюдений, полемизирует Эгон Флаиг с Маурицио Беттини, считавшим, что имена всех членов *stirps* (семьи, рода, поколения) сохранялись на внутренней стене атриума. Сохранялись на ней, по мнению Э. Флаига, имена только политически успешных предков.

Исходя из приведенных выше рассуждений, Э. Флаиг предпринимает попытку нового объяснения пробелов в родословной, в которой перечислялись предки. М. Беттини объяснял эту неполноту «генеративной памятью» социальной группы, манипуляторским вмешательством семей, фальсификаций. Э. Флаиг считает, что этим можно объяснить нелегитимные добавления в родословные, но не пробелы в них. Оппозиция, предложенная М. Беттини, противопоставление «объективной генеалогической структуры» «едва ли явному семейному почету», не имеет социологического значения, подчеркивает Э. Флаиг. На его взгляд, неполнота перечня предков в атриуме была результатом политической селекции, этот перечень не был семейным родословным деревом, в том виде, как его знали европейские аристократические роды, начиная со средневековья. Эгон Флаиг возражает также Гарри Фловуру, который не видел различий между ними, полагая, что женщины в Риме также включались в родословную. Но если в ней отсутствовали неуспешные мужские предки, утверждает Э. Флаиг, не включались в нее и женщины. Заметим, что чисто логически здесь можно возразить Э. Флаигу на основе его собственных выкладок: он утверждает, что неуспешным мужским предкам никогда не полагалась *pompa funebris*, тогда как женщины могли быть её удостоены. В данном случае ничто не мешает экстраполировать такой подход и к родословной в атриуме. Здесь, на мой взгляд, более уместен другой логический аргумент, вытекающий в том числе и из анализа Э. Флаига: поскольку в родословной не было тех, кто не удостоивался масок, в ней не могло быть и женщин.

Семиотический анализ римского ритуала приводит Э. Флаига еще к двум выводам. Погребальная процессия римлян служила, на его взгляд, не прославлению умершего, она служила

тому, чтобы показать престиж семьи. Второй вывод касается отдельных сегментов аристократических похорон, т.е. установления гроба с телом для торжественного прощания, причитаний над покойником, процессии, надгробных речей, погребения. Вильгельм Кирдорф полагал, что в центре церемонии были погребальные речи – *laudatio funebris*. Заметим, что это мнение присутствует и в других работах, в том числе самого последнего времени⁶. Так, Э. Штербенк-Эркер пишет о *laudatio funebris*, что «с политической точки зрения это самый важный момент похорон»⁷. Из изложения Э. Флаига следует другое умозаключение: похоронная процессия комбинировала визуальные и риторические элементы в семиотически структурированное целое; важность отдельных элементов приобретала те размеры, какую символическую силу они имели, чтобы маркировать различие и подкреплять нормы. Для простых римских граждан тоже произносились надгробные речи – в рамках частного чествования. Маски же персонифицировали предков только при senatorской *pompa funebris*. Так демонстрировали семьи римской элиты наглядно свои притязания на первенство перед незначительными семьями и вступали в конкуренцию с соперничавшими фамилиями. Следовательно, утверждает Э. Флаиг, важнейшим элементом похоронной процессии были именно *imagines*. Не соглашается Эгон Флаиг и с Флоранс Дюпон, чье мнение связывало восхождение умершего и престиж его *gens*, главным образом с *laudatio funebris*⁸. Ф. Дюпон считает, что речи произносились перед масками и не могли звучать без них. Э. Флаиг же утверждает, что маски не требовались необходимым образом для погребальных речей. Таким образом, заключает Э. Флаиг, в центре ритуала *pompa funebris* находилась процессия и собрание портретов предков, так как они и осуществляли презентацию символического капитала senatorской семьи.

Карл-Йоахим Хелькескамп (параграф «История в современности: амбивалентность *pompa funebris*»), как и Эгон Флаиг, подчеркивает, что центральным элементом дорогостоящей и демонстративно публичной формы похоронных торжеств умершего нобилия была процессия всех его *maiores* (предков), которые сопровождали лежащего в гробу⁹. Таким образом, при умершем пребывала, как это формулирует Плиний Старший (NH. 35.6), вся его семья.

Процессия прощания с умершим соединяла прошлое с настоящим, она гарантировала непрерывный континуитет, так видит ее значение К.-Й. Хелькескамп. Он по-иному, чем Э. Флаиг, рассматривает *laudatio funebris*, отмечая важность присутствия предков во время произнесения речи: представляемые *maiores* занимали курульные кресла и вместе с собравшимся *populus Romanus* внимательно слушали *laudatio* о покойном. Как свидетельствует известная надгробная речь Квинта Цецилия Метелла о своем отце, консуле 251 и

247 г., великом понтифике и диктаторе 224 г. в *laudatio* перечислялись, с одной стороны *honores*, т.е. должности и деяния, посредством которых достигалась *dignitas* (достоинство) умершего, а с другой – его *virtutes* (доблестные дела, подвиги) в качестве магистрата, командующего войсками и сенатора, *sapientia* (мудрость, рассудительность), *fortitudo* (храбрость, отвага) и другие гражданские и военные добродетели, которые проявлялись в его делах. И эти добродетели соответствовали доблестям символически присутствовавших предков. Если Э. Флаиг считает, что в функции *pompa funebris* не входило прославление умершего, то К.-Й. Хёлькескамп, как видим, подчеркивает наличие такой составной части и ее значимость для исторической памяти.

Однако, на взгляд К.-Й. Хёлькескампа, в надгробных речах не только репродуцировались исторический материал, морализаторские обращения и ценности, которые выполняли роль точки отсчета «исторической памяти» в *res gestae* и *exempla*. Прежде всего, акцентирует К.-Й. Хёлькескамп, удалялся умерший со сцены активной деятельности, но одновременно современный нобиль церемониально вводился в круг своих предков, *maiores*, которые удостоверяли этот переход своим символическим присутствием. В этом симбиозе *maiores* и *nobilis* продуцировалось ни одно лишь только участие великого прошлого в настоящем, но и одновременно утверждалось следующее: каждое поколение, каждое настоящее время приносит всегда новых *maiores* – непрерывное удлинение прошлого через настоящее инсценируется в будущем.

Благодаря таким похоронным процессиям, подчеркивает К.-Й. Хёлькескамп, каждый взятый в отдельности сенатор или нобиль знал достаточно много не только о традициях своего собственного рода (*gens*), но и об истории других больших семей и вообще о *res publica* в целом.

К.-Й. Хёлькескамп делает вывод, что в республиканском Риме *pompa funebris* была тем особенно мощным коммуникативным средством, при помощи которого выполняла коллективная память свою важнейшую общественную функцию: сохранение идентичности *populus Romanus* через соблюдение континуитета *res publica*¹⁰.

Дихотомия, лежавшая, на взгляд К.-Й. Хёлькескампа, в основе идентичности нобилитета, заключалась, с одной стороны, в индивидуальном действии, стремлении превзойти других в перманентной конкуренции и персональной значимости, ранге и преимуществах и, с другой стороны, в связи (когерентности) и коллективной дисциплине в группе посредством единой ориентации. Эта вторая сторона, как можно заключить из рассуждений К.-Й. Хёлькескампа, и проявилась в *pompa funebris*.

Гентильно-генеалогической мемориальной практике, в том числе портретам предков и похоронным процессиям, уделяет внимание Уве

Вальтер. *Pompa funebris* характеризуется У. Вальтером как генеалогически структурированное ясное представление о прошлом (генеалогически организованная история), а *imagines* – как импульс к действию новых поколений римской аристократии. Данный вывод его исследования близок к положениям книги Яна Ассмана, который делит воспоминания об умерших на ретроспективные и перспективные. В ретроспективном измерении – это опора на умерших предков, «в перспективном измерении речь идет об аспекте *достижения* и *fama*, путях и формах стяжания незабвенности и славы»¹¹.

Представлявшаяся в лицах во время похоронной процессии римская история была, отмечает У. Вальтер, не повествовательно оформлена, она воспроизводилась через значение иерархических знаков отличия, должностной одежды, *fascies* и других инсигний. Такая инсценировка явно реанимировала для непосредственного восприятия исторические фигуры и события прошлого, она должна была осуществлять значительное аффективное воздействие.

У. Вальтер обращает внимание на то, что с течением времени проникали в погребальную процессию элементы процессии триумфальной, в форме проносимых спойл и портретов, посвященных божествам в храме. Поэтому широкие массы римского населения, которые не могли полагаться на литературную историографию, воспринимали генеалогически организованную историю, такую историю, которая посредством представления, сравнительно частого повторения и организации на основе известных символов в значительной мере объясняла памятные места и монументы.

Попутно (в сопоставлении) У. Вальтер не относит к генеалогически организованной истории портреты на монетах, чеканка которых находилась в руках *Viri monetales*, он соглашается с Паулем Цанкером (Paul Zanker) и Тонио Хёльшером (Tonio Hölscher), отмечавшими в 80-е гг. XX в., что многие портреты на монетах были интересны и понятны только внутри узкого круга конкурировавших семей; история на монетах не была общей, она дробилась на отдельные истории, приспособленные к отдельным семьям нобилитета. У. Вальтер противопоставляет «портретной истории» на монетах вид зрительных образов во время похоронной процессии, организовывавшей дискурс о прошлом в манере континуитета и соревновательности. У. Вальтер соглашается с Э. Флаигом, что процессия предков на похоронах была «матрицей для исторических знаний в Риме».

Все же вопреки хронологическому упорядочению, отмечает У. Вальтер, и при всем стремлении к возможно длинной и впечатляющей процессии был ряд предков на ней одновременно сильно укороченным. Из всех праотцов могли принимать в ней участие только такие успешные предки, кто, на взгляд исследователя, как минимум

достигли курульного эдилитета (заметим, не претуры, как считает Э. Флаиг). Не достигшие хотя бы курульного эдилитета не имели портретов, и их похоронное шествие не следовало через форум и проходило в другое время дня. В фамильном же захоронении они находили свое место, что подтверждает тот факт, что могила и похороны принадлежали к различным мемориальным реестрам. В этом У. Вальтер солидарен с Э. Флаигом. По этому поводу У. Вальтер замечает также, что, как кажется, под данное ограничение попадали формально успешные предки, имевшие, однако, плохую репутацию. Наоборот, было, по-видимому, возможным в политической преемственности через *imagines* выставлять совсем не родственников, укрепляя тем самым собственный образ. Так, Секст Тиций в качестве плебейского трибуна в 99 г. до н.э. не только продолжил политику своего друга Аппулея Сатурнина посредством земельного закона, но и показывал в своем доме портрет мятежника 100-го года (о чем сообщают Цицерон и Валерий Максим – *Cic. Rab. perd.* 24–25; *Val. Max.* 8.1.3.). По Цицерону это было существенным основанием для последующего осуждения на процессе *de maiestate*.

Останавливается У. Вальтер и на *pompa funebris* римских женщин. Он полагает, что сообщения о таких похоронах для IV. до н.э. не историчны, а первый раз, вероятно, они мели место лишь в позднереспубликанское время и были, конечно, нерегулярными. Насколько нам известно, указывает У. Вальтер, женских *imagines* не было, как не было их имен в начертанной в атриуме родословной, служившей, как он пишет, структурированной организацией семейной памяти и путеводителем по сохранявшимся в ларцах *imagines*. Так же и семейный архив, который находился в *tablinum* (деревянной галерее) дома в качестве второго места для сохранения *memoria*, служил только, как правило, для записей об успешных представителях семьи. *Pompa funebris* – и именно она сама в ее римском варианте – воплотила, по мнению У. Вальтера, в этом отношении гораздо больше, чем литературная историография, монументальную (грандиозную) историю, которая временной континуум истории нормативно-наставительно сильно укорачивала и не предоставляла места для расхождений в чтении.

Уве Вальтер замечает, что, только начиная от цензоров, консулов, консульских трибунов и преторов времен ранней Республики, которые подтверждались в монументах и документах (или как минимум в них присутствовали), могли быть речи в погребальной процессии, но не от предков из царского времени или из доримских мифологических времен. Происхождение от Геракла или спутников Энея, или даже от римского царя было, правда, легко конструировать при помощи генеалогическо-мифологической литературы греческого происхождения, и такие конструкции могли играть роль в других способах семейной

памяти. В целом лежали события и персоны царского времени за пределами главной линии аристократической семейной традиции, такого мнения придерживается У. Вальтер. Недостаток впечатляющего ряда агнатов из ранних времен привел Юлиа Цезаря в *laudatio* на похоронах его тетки Юлии в 69 г. до н.э. даже к тому, чтобы сослаться не только на Мариа как когнатического своего предка, но также и на Венеру для отцовского происхождения и на царя Анка Марция для материнского. Слушатели восприняли это как политическую провокацию и новомодную бесцеремонность юного нобилия, только что наделенного квестурой. И было, действительно, приемлемо, что изображение Цицероном ранних римских времен обходилось без Геракла и Энея, без спасшихся троянцев, прибывших греков и путешествовавших полубогов, и только отдельные цари рассматривались последовательно как основатели общегосударственных институтов.

Дифференциация восприятия генеалогической аргументации в различных областях исторической культуры была важна еще и в другом отношении, полагает У. Вальтер. Известно, что считались *laudationes* и производные от них *tituli* и *elogia* фальсифицированными через неисторические триумфы и дополнительные консулаты. Напротив, однако, не известны соответствующие попытки облачить кого-либо из умерших в ему не соответствующее должностное одеяние или представить фальсифицированными *imagines* в сравнительно хорошо документированном I в. до н.э. Между тем имело большие последствия то, что историографическая традиция, естественно, первично находилась под влиянием сохранившихся текстов.

Pompa была поводом для коммуникативной актуализации, оживления истории. *Pompa* должна была быть местом высказываний об истории. Кроме того, могли всегда некоторые слушатели говорить о собственном пережитом с умершим или его семьей, о походах под его командованием или об особенно острой избирательной борьбе. Эти люди имели истории, подчёркивает У. Вальтер, которые при удобном случае могли привноситься в большую инсценировку истории. Хотя образовывала *pompa* часть вертикальной социальной коммуникации, это не была «дорога с односторонним движением», поэтому инсценировавшаяся там история могла приниматься и ощущаться «маленькими людьми» как их собственная. Самоидентификация семей нобилитета со всей *res publica*, которая каждую важную погребальную церемонию определялась в перспективе всей римской истории, находила подтверждение со стороны воспринимавших эту процессию.

Прежде всего, знание об успешных предках из далекого прошлого требовало его актуализации, с другой стороны, имелась опасность, что предки существуют только в памяти семьи, но исчезли с горизонта аристократии и *populus* в

целом. Если нобили своего предка не имели в живой памяти или хотя бы не освежали о нем воспоминания избирателей, образованные люди должны были извлекать сведения из старых рукописей. В таком случае они не годились в качестве *commendatio* (рекомендации) для потомков и не были в состоянии ничем содействовать его *dignitas* (достоинству).

«Историческим комментарием» к погребальной процессии называет У. Вальтер *laudatio funebris*. Гентильные надгробные речи на форуме воспроизводили, на его взгляд, в обеих главных частях функцию погребальной процессии: в качестве чествования умершего и демонстрации статуса всего *gens*, перечисление *honores* и *res gestae* умершего в речах связывалось с восхвалением предков. Речь с роstr была, как замечает У. Вальтер, формальный *contio*. Гентильный порядок прошлого так же твердо устанавливался в важнейших речах, как его устанавливал ряд *exempla*.

У. Вальтер определяет роль *pompa funebris* в римской культуре памяти как центральную, отмечая ее действенность. Этим она обязана, на его взгляд, тому обстоятельству, что приводили к синтезу два фундаментальных для данного действия исторического представления: они выдвигали примеры и одновременно выстраивали картину непрерывно представляемого континуитета прошлых успехов, которая создавалась актёрами в масках. Прошлое должно было сохраняться в будущем; цепочка каждый раз удлинялась на одно звено, поэтому *pompa* может рассматриваться в качестве инсценирования долгого последовательного континуитета, она внушала народу доверие и мысль о стабильности военных успехов господствовавших семей. В этих рассуждениях У. Вальтер близок к К.-Й. Хелькескампу.

Так же как и Э. Флаиг, У. Вальтер полностью отрицает магическую или религиозную функцию *imagines* в культе умерших.

Действенность символического капитала, который аккумулировался из достижений предков, отмечает У. Вальтер, ценилась в качестве рангового критерия в противовес доступа новому пополнению в открытую (в принципе) элиту. Политик, который не соответствовал этому критерию, как аутсайдер, должен был находиться в оппозиции к нему. Для Цицерона это было характерно в меньшей степени, считает Вальтер, для Гая Мария – в большей. В связи с этим мне кажутся интересными наблюдения немецкого исследователя, которые включают в себя следующее. Если Цицерон (как минимум после своего консулата) довольствовался тем, что свои собственные заслуги выдвигал на первый план, то Марий стремился развенчать господствовавших в его время нобилей, с тем, чтобы отделить прошлое от настоящего, а также гентильный коллектив от живущих индивидов, полагает У. Вальтер. Поэтому Марий радикально акцентировал «меритократический», по выражению У. Вальтера, критерий принадлежности к

нобилитету (исследователь ссылается при этом на Саллюстия – *Sal. Jug.* 85. 10–14). Цицерон, на взгляд У. Вальтера, вряд ли так делал сам, но он, вероятно, соглашался с Марием в том, что *memoria o maiores* для римского нобилитета должна была иметь значение не столько рангового критерия, сколько, прежде всего, динамичного и динамизирующего (приводящего в движение) элемента. Этим, пишет У. Вальтер, отличалась позиция Цицерона (*Cic. Ver.* II.4.81) от попытки Мария лишить легитимности портреты предков. У. Вальтер не думает, что Цицерон хотел «частную собственность на капитал предков» коллективизировать (отнести ко всему народу), но он мог в качестве политического аргумента не только отрицать силу (действенность) *imagines* для определения индивидуальных способностей, но и поставить под вопрос их эксклюзивное значение лишь для семей, которые их наследовали.

Но и без того, чтобы заключать в себе далеко идущее отчуждение символического капитала предков в пользу всего народа или только одного-единственного дома, погребальная процессия может быть рассмотрена в качестве «общегосударственной», считает У. Вальтер. Первая *laudatio funebris* была произнесена хорошо известным Валерием Попликолой в качестве консула о своем коллеге Бруте, павшем в борьбе против Тарквиния (*Plut. Pop.* 9, 10). Публичные похороны выдающейся личности относятся, таким образом, к первому году Республики, чем подчеркивается их всеобщее значение, однако первая *laudatio funebris* была произнесена не родственником, но коллегой, носителем высшей должности *res publica*.

Влияние хранившихся в фамильных архивах погребальных речей на образование историографической традиции бесспорно, отмечает У. Вальтер, но в деталях в нем трудно разобраться. Нельзя недооценивать дальнейшее воздействие, которое производили портреты членов знаменитых семей с их дополнительной и стереотипной семантикой, а именно с идеей «типичных» качеств и образа действий всех представителей одного *gens*, так же как и *stirps*. Так, появились в историографической традиции все Клавдии в качестве реакционеров и врагов плебеев, Валерии, напротив, как дружественные народу поборники *libertas*; Манлии были особенно суровы, а Фабии большей частью благочестивы. Выдающиеся, излюбленные в устной традиции живые фигуры выцветали до точно очерченных родственников и приобретали в соответствии с материалом, имевшимся у писавших историю, надежные контуры, по которым последние затем могли моделировать, будто бы на похоронной процессии внушали представление о континуитете создаваемые клоны. Такое явление в исследованиях методически охвачено в понятии «дублиеты», но, замечает У. Вальтер, в нашем контексте важнее констатация, что для римлян модель «положительных и сознательно принимаемых наследников» была привычной и воспринималась

даже как изображающая выдающийся *exemplum*. Обратной стороной этого гомогенизированного формирования и увеличения семейных профилей могло быть, конечно, создание образа, которому живущие при взгляде на их *maiores* могли уступать.

Проблема *memoria* и *res publica* в современной историографии закономерно привела к формулированию функций исторической памяти римлян. В обобщающем виде они могут быть даны так:

1) коммуникативная функция исторической памяти римлян;

2) образовательная и воспитательная функция;

3) обосновывающая и «контрапрезентная» функция (Ян Ассман¹² поясняет их суть так: обосновывающая функция показывает явления настоящего в свете истории, которая делает их осмысленными, необходимыми и неизменными; контрапрезентная связана с ощущением недостатков настоящего и закликает в воспоминании прошлое, которое приобретает черты героической эпохи).

Погребальная процессия как вид исторической памяти римлян выполняла, как можно заключить, обобщая исследования современных антиковедов, все эти функции; в историографии начала XXI в. они, как видим, и стали объектом специального анализа. Вместе с тем исследователи в проанализированных трудах по-разному видят приоритетность этих функций для *pompa funebris*: К.-И. Хёлкескамп выделяет коммуникативную, Э. Флаиг – обосновывающую, а У. Вальтер – и ту, и другую. Воспитательной функции *pompa funebris* больше других авторов новых работ уделил внимание Э. Флаиг.

Аргументация исследователями точности передачи реалий прошлого в ходе *pompa funebris* способствует реабилитации исторической памяти римлян в целом, в том числе определенным образом (косвенно), как мне кажется, и римского историописания, хотя погребальная процессия в этом отношении (с точки зрения отсутствия фальсификации) нередко и противопоставляется другим видам исторической памяти римлян. Ведь, в частности, обоснование отсутствия фальсифи-

каций в *laudationes* помогает смягчить негативное восприятие достоверности информации в *elogia*, имевших первоисточником, в числе прочего и надгробные речи.

Примечания

- ¹ См.: Flaig E. Ritualisierte Politik. Zeichen, Gesten und herrschaft im Alten Rom. Göttingen, 2003. S. 49–68; Hölkeskamp K.-I. Senatus populusque Romanus. Die politische Kultur der Republik. Dimensionen und Deutungen. Stuttgart, 2004. S. 188–190; Walter U. Memoria und res publica. Zur Geschichtskultur im republikanischen Rom. Frankfurt am Main, München, 2004; Idem. „Ein Ebenbild des Vaters“. Familiäre Wiederholung in der Historiographischen Traditionsbildung der Römischen Republik // Hermes. 2004. Bd. 132. S. 406–425; Idem. Ahn macht Sinn. Familientradition und Familienprofil im republikanischen Rom // Sinn (in) der Antike. Orientierungssysteme, Leitbilder und Wertkonzepte im Altertum. Mainz am Rhein, 2003. S. 255–278.
- ² См.: Flaig E. Op. cit. S. 49–68.
- ³ См.: Дементьева В.В. Римская Республика: институциональная история и семиология // Политика. Идеология. Культура. Проблемы всемирной истории: Сб. науч. тр. Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 3–11.
- ⁴ Schneider K. Imagines maiorum // RE. Sp. 1098.
- ⁵ Latte K. Römische Religionsgeschichte. München, 1960. S. 100.
- ⁶ Kierdorf W. Laudatio funebris. Interpretationen und untersuchungen zur Entwicklung der römischen Leichenrede. Meisenheim am Glan, 1980. S. 79.
- ⁷ Штербенк-Эркер Д. Оплакивание покойника в Риме: материал к анализу роли женщины в римском трауре // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура: Сб. статей / Под ред. О.П. Смирновой, А.Л. Смышляева. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 180.
- ⁸ Dupont F. Les monsters de Seneque. Pour une dramaturgie de la tragedie romaine. Paris, 1994.
- ⁹ Hölkeskamp K.-I. Op. cit. S. 188–190.
- ¹⁰ Ibid. S. 189.
- ¹¹ Ассман Я. Культурная память: Письма, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М., 2004. С. 65.
- ¹² Там же. С. 83–84.